

ТЕОРИЯ РАЗВИТИЯ ХОЗЯЙСТВА К. БЮХЕРА И ДИСКУССИЯ О ПРЕДМЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В РУССКОЙ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Для изучения и толкования истории необходимы даты и периоды, потому что все исторические явления обусловлены временем и вызваны последовательностью событий... Но в противоположность датам «периоды» — не факты, они ретроспективные концепции, которые мы составляем относительно прошлых событий, полезные для того, чтобы сосредоточиться на их толковании, но очень часто сбивающие с пути историческую мысль.

Дж. М. Тревельян

В 1893 году Карл Бюхер выпустил в свет сборник статей под общим заглавием «Возникновение народного хозяйства», который, даже по мнению наиболее последовательных критиков содержащихся в нем идей, стал поворотным пунктом в развитии историко-экономической науки. Особое внимание привлекла статья, давшая название всему сборнику, в которой теория последовательных ступеней хозяйственного развития приобрела тот окончательный вид, который не только вызвал оживленную (в иных формах продолжающуюся и поныне) дискуссию, но и позволил данной периодизации хозяйственной истории на долгие годы стать доминирующей в науке.

Автор настоящего доклада не ставит своей задачей пополнение «коллекции» аргументов как сторонников, так и противников теории хозяйственного развития К. Бюхера. Уже для его современников были очевидны стремление «вытянуть» всю историю человечества в одну прямую линию, пренебречь фактами движения истории «не по прямой, но по кривой, ломаной, спиральной линии», которая «начинается сразу с разных точек, часто обрывается, иногда регрессирует» (С.Н.Булгаков). В еще меньшей степени заслуживает продолжения дискуссия о принципе — длине пути, проходимого продуктами от производителя к потребителю, — положенном К. Бюхером в основу своей периодизации. К его критике Г.фон Беловым, Э.Мейером, В.Зомбартом, большинством русских историков-экономистов вряд ли можно что-либо добавить¹.

Разработанная К. Бюхером ретроспективная концепция (а сомневаться в праве любого автора предложить свою схему, призванную систематизировать события или факты прошлого, вряд ли приходится) и развернувшаяся вокруг нее полемика выдвинули, однако, на первый план проблему соотношения «экономического» и «исторического» начал, а по существу, — проблему предмета экономической истории, как она виделась «историкам, изучающим хозяйственный быт» и «экономистам, истолко-

выявляющим историческую действительность» (П. Б. Струве). Проблему — активно обсуждавшуюся в русской историко-экономической литературе начала века и ныне столь же актуальную, как и почти столетие назад.

Современные историко-экономическая наука и образование не имеют не только устоявшихся представлений о предмете науки, но даже и общепринятого ее названия. И наука, и образование приемлют и используют как равнозначные: «историю экономики», «историю народного хозяйства», «экономическую историю» и др. Если и предпринимаются попытки развести эти понятия, то за основу берутся различия в объекте изучения. Хотя совершенно очевидно, что историко-экономическими являются не объекты и не последние конституируют науку, а специфический взгляд на объект, постановка проблемы, методы ее изучения и полученные результаты. Пожалуй, единственное, в чем единодушны представители современной историко-экономической науки, так это в характеристике ее как дисциплины, находящейся на стыке истории и экономики, т.е. именно в том, с чего началось обсуждение предмета науки столетие назад.

К. Бюхер принадлежал к тому поколению немецкой исторической школы в политической экономии, которое, по мнению признанного его главы Г. Шмоллера, от общих пожеланий В. Рошера и Б. Гильдебранда относительно исторического изучения политической экономии перешло к созданию специальных историко-экономических работ². Помимо «экономистов, истолковывавших историческую действительность», в процессе создания основ новой дисциплины принимали участие немецкие же историки хозяйства, немало способствовавшие сохранению за зарождавшейся наукой «исторического реализма». При этом отношения между «экономистами» и «историками» были далеко не безоблачными. Признавая за исторической школой в политической экономии некоторые успехи на поприще исторического изучения экономического порядка, историк Д. М. Петрушевский, например, подчеркивал, что «...знакомство экономистов с историками было очень далеко от интимности и дальше признания *de jure* не пошло»³. Не безмолствовали и «экономисты». Так, например, П. П. Маслов отмечал, что «в понимании... даже историка правовые и политические отношения создаются независимо от хозяйственных отношений, которые развиваются закономерно... Поэтому и преподавание истории и даже истории хозяйственного быта часто сводится к последовательному изложению исторических фактов и анекдотов, а не к выяснению закономерности и причинной связи исторических явлений...»⁴.

В ходе критики «историками» методов обработки исторического материала «экономистами» достаточно четко обозначились позиции сторон по интересующему нас вопросу. Если историки хозяйства критиковали чисто «историческую последовательность» ступеней развития хозяйства К. Бюхера, то последний, подчеркивая их «логическую природу», отставлял политико-экономический характер своей концепции. Он не только привлек внимание оппонентов-историков к этой стороне проблемы в предисловии ко второму изданию своей работы⁵, но и дополнил основной ее текст в последующих изданиях важным в методологическом отношении замечанием: «Установление таких «хозяйственных ступеней» является неизбежным методологическим подспорьем. Оно представляет

даже единственный путь к истинным результатам исторического исследования.

Политическая экономия — это не только теория для каждого периода хозяйственного быта, но и отрицательная индивидуальная быта. Последняя, как и всякая постройка в русской истории, «...представляет собой политическую экономическую историю, установившую законы, а следовательно, и смысл этого слова».

Несовершенство первого издания статьи не мешает однозначно, но и неясно, о том, что автор имеет в виду «историю быта» и «историю хозяйства» из статьи в раз-

«Только на этом пути, а именно на историческом изучении хозяйства, и обратившись к теории современного хозяйства, и обратившись к теории хозяйства...»⁹.

Для обработки собранного материала прошлого, историческая политическая экономия — это логическая дедукция. Поскольку же последнее определил этот результат, то и к прошлому быта ставилась задача «...экономического понятия быта соответствующим образом периодизации К. Бюхера: «хозяйство» и «народное хозяйство».

Своеобразие такого подхода более заметным образом проявляется в марксистском варианте политической экономии, подчеркивающий критический характер, особо выделял тот же самый ранг (и это на политическую экономическую историю, как и на исторический анализ и как

даже единственный путь, каким экономическая теория может использовать результаты исторических исследований о хозяйстве»⁶.

Политическая экономия, как наука, призванная формулировать различные теории для каждого определенного, исторически конкретного периода хозяйственного развития, но, в силу присущего ей «социологизма», отрицающая индивидуальное⁷, нуждается в истории хозяйственного быта. Последняя, как отмечал последовательный сторонник бюхеровских построений в русской историко-экономической науке И. М. Кулишер, «...представляет собою... необходимую составную часть политической экономии, без которой теоретическая экономия не может установить законов, а, следовательно, и не может стать наукой в истинном смысле этого слова»⁸.

Несовершенство перевода, наличие существенных различий в имеющихся изданиях статьи К. Бюхера на русском языке, не позволяют утверждать однозначно, но и не лишают возможности высказать предположение о том, что автор ее различал дисциплины «история экономического быта» и «история хозяйства». Вот как выглядят соответствующие отрывки из статьи в разных изданиях и переводах:

«Только на этом пути, думаю я, хозяйственно-исторические исследования окажутся плодотворными для теории современного народного хозяйства, и обратно, теория окажется полезной для истории хозяйства...»⁹.

«Только этим путем, на мой взгляд, история экономического быта может оказать плодотворное влияние на теорию современного народного хозяйства, а эта последняя, в свою очередь, на историю хозяйства...»¹⁰.

Для обработки собранных историей хозяйства фактов хозяйственной жизни прошлого, история хозяйственного быта использует выработанные политической экономией методы — «изолирующую абстракцию и логическую дедукцию», а также присущий ей категориальный аппарат. Поскольку же последнее чревато «модернизирующей схематизацией» (как определил этот результат применения экономических понятий к уже законченному прошлому С. Н. Булгаков), перед историей хозяйственного быта ставилась задача «...погрузиться в совершенно отличные от нашего экономического понимания представления наших предков»¹¹, выработать соответствующие экономические категории. Таковыми и явились в периодизации К. Бюхера «замкнутое домашнее хозяйство», «городское хозяйство» и «народное хозяйство».

Своеобразие такого видения предмета экономической истории становится более заметным при сравнении его с марксистским подходом. В марксистском варианте экономическая история не имеет отличного от политической экономии предмета. Далеко не случайно Й. Шумпетер, подвергнувший критическому анализу экономические построения К. Маркса, особо выделял тот факт, что Маркс «был первым экономистом высокого ранга (и это на фоне мощной «исторической школы немецкой политической экономии» — Д. М.), увидевшим и последовательно учившим других тому, как экономическую теорию можно превратить в исторический анализ и как историческое повествование можно обратить в

обоснование истории»¹². Предмет экономической истории — изучение развития способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков — не выходит за рамки предмета политической экономии, оставляя за собой чаще «нижний этаж» способа производства — «развитие производительных сил в исторически определенных формах производственных отношений».

Заслуживающим внимания вариантом такого подхода является концепция П. П. Маслова, в процессе обоснования которой автор предпринял попытку не только «приблизить» периодизацию хозяйственной истории К. Бюхера к реалиям России, но и включить ее в марксистскую схему взаимодействия экономической истории и политической экономии. На его взгляд, политическая экономия как «...наука, дающая полное представление о народном хозяйстве в целом, ...в связи с его прошлым и ближайшим будущим...»¹³, и занятая поиском закономерностей в распределении и перераспределении производительных сил, должна основываться на теории развития хозяйства — анализе развития производительных сил общества, а последняя — на истории развития хозяйства, т.е. изучении распределения и перераспределения производительных сил на различных его ступенях.

Появление бюхеровской периодизации хозяйственной истории, в известном смысле пришедшей на смену марксовой, не просто заменило «текущие фазы развития» (К. Каутский) более неподвижными и твердыми ступенями, но обозначило начало процесса становления экономической истории в качестве самостоятельной научной дисциплины, пока еще сохраняющей логическую и предметную связь с политической экономией и выполняющей функции своеобразного посредника между последней и историей хозяйства. Однако эта связь, на взгляд «историков, изучающих хозяйственный быт», столь незаметна, что позволила им не только критиковать «историческую последовательность» ступеней развития хозяйства К. Бюхера, но и утверждать, что его схема — это «...история хозяйства Западной Европы, но не законы, ее определяющие»¹⁴.

Несмотря на справедливость критических замечаний о том, что схемы Бюхера и его последователей из служебного орудия, «методологического подспорья» нередко превращаются в основную цель науки, ими оперирующей, эта критика в целом показала свою непродуктивность, поскольку сосредоточилась либо на поиске фактического несоответствия схемы данным экономической истории, либо на принципе, положенном в ее основание.

На этом фоне особняком стоит позиция Д. М. Петрушевского, который попытался обнаружить «чисто методологический дефект» бюхеровских построений. В отличие от немецких историков (Г. фон Белова, Э. Мейера и др.), подвергнувших критике «историческую последовательность» ступеней Бюхера, русский историк не отрицал того, что «...конструированы эти понятия все тем же дедуктивным путем, с помощью того же изолирующего метода»¹⁵, какой присущ науке политической экономии. Бюхер, на его взгляд, недостаточно четко разграничил задачи «экономиста-социолога» и «экономиста-историка», что недопустимо в условиях, когда в ходе дифференциации научных отраслей на «идиографические» (индивидуализирующие) и «номографические» (генерализирующие), произошло самоопределение истории хозяйствен-

ного быта и теоретической экономии. При этом такая дифференциация не нарушила теснейшей формальной (логической) и материальной (предметной) связи между ними. Однако, если подобный взгляд справедлив, когда речь идет о взаимодействии теории и истории в рамках марксистской политической экономии или исторической школы немецкой политической экономии, то он представляется ошибочным в ситуации, когда экономическая наука фактически раскололась на теоретическую и историческую части и соответственно двум основным направлениям процесса познания стало иметь «дело с двумя большими классами научных выводов» (К. Менгер).

По-прежнему считая политическую экономию исторической наукой и различая ее «теоретическую» и «историческую» части по степени удаленности понятий, ими используемых, от конкретной исторической действительности, Д. М. Петрушевский предложил свое видение не только предмета экономической истории, но и взаимодействия последней с политической экономией. Установление такого взаимодействия предполагает в качестве первого шага разработку общих понятий, еще не разорвавших связи с исторической действительностью, содержание которых «...уже является общим, так как они применимы не к одному однократному и индивидуальному явлению, а к целому ряду явлений того же порядка, и в то же время они еще не перестали быть индивидуальными, так как эти понятия применимы лишь к совершенно определенным в смысле числа, места и времени случаям...»¹⁶. На втором этапе, в результате обработки конкретного исторического материала, охватывающего все известные науке факты существования данных социальных явлений, должны быть выработаны «идеально-типические конструкции» (и в их ряду определено место бюхеровского «домашнего хозяйства», «городского хозяйства», «народного хозяйства»). Наконец, на завершающем этапе предстоит создать категории «социологические», которые, хотя и родственны «историческим» по происхождению и логической природе, но, в отличие от последних, позволяют преодолеть «притяжение» места и времени, что делает возможным их использование в социологических дисциплинах, в т. ч. в политической экономии.

Экономическая история как одна из отраслей исторической науки (специальными историческими дисциплинами являются также: социальная история, политическая история, история права, искусства, религии и т. д.) занята воссозданием картины «...хозяйственной... эволюции Западной Европы, например, в средние века или в новое время, внося в эту картину то общее, что можно наблюдать в эволюции каждой из стран Западной Европы, и отмечая все индивидуальное...»¹⁷. Иными словами, перед наукой стоит задача определить характерные черты той или иной эпохи, соединить эти отдельные элементы в единое целое, но уже не в их конкретно-исторической, а, если можно так выразиться, в общеисторической определенности.

Закономерно, что у истоков диаметрально противоположного подхода к предмету экономической истории, уже как самостоятельной экономической дисциплины стоял последовательный сторонник «теоретической свободы» экономической науки — П. Б. Струве. Последний считал логически несостоятельным само понятие теоретических («систематических») категорий, носящих исторический характер. Поэтому, на его взгляд,

наука должна в полном объеме использовать теоретические категории политической экономии для «истолкования исторических разрезов действительности». Подобное оперирование «теоретическими утопиями», а не полуисторическими, полутеоретическими категориями Бюхера и «историков», позволит избежать насилия над историей, ее «модернизации», сохранит многообразие и многоцветность исторической действительности. Задача экономической истории в этом ее варианте — «...обработка исторического материала о хозяйственной жизни при помощи систематических категорий политической экономии или, если угодно популярнее, но менее точно выразиться, историческое истолкование систематических категорий политической экономии»¹⁸.

Аргументируя свои позиции, и «историки» (Д. М. Петрушевский), и «экономисты» (П. Б. Струве), ссылались на «теорию идеальных типов» М. Вебера. Первые — в поисках методологических оснований для разрабатывавшихся ими идеально-типических исторических категорий. Вторые же — буквально воспроизводя вывод Вебера об единой логической природе категорий абстрактной политической экономии и категорий, используемых в построениях К. Бюхера. При этом, как те, так и другие, как бы не замечали того, что М. Вебер фактически принял экономические стадии последнего, а главное — видел недостатки периодизаций, подобных бюхеровской, в том, что «...конструируя... идеально-типическое развитие, исследователи часто пытаются придать им большую отчетливость посредством привлечения в качестве иллюстрации эмпирического материала исторической действительности. Опасность этого самого по себе вполне законного метода заключается в том, что историческое знание *служит* здесь теории, тогда как должно быть наоборот» (выделено М. Вебером. — Д. М.)¹⁹ Тем самым, М. Вебер фактически выработал критерий оценки взаимодействия экономической истории и теории, которому из двух вышеизложенных подходов соответствует лишь один²⁰.

Нет необходимости останавливаться на вопросе о том, что именно марксистское видение предмета экономической истории долгие годы доминировало в отечественной науке. Такой подход не допускал существования помимо «экономического материализма» сколько-нибудь научного направления в экономической науке, которое бы останавливалось на изучении экономической стороны истории. А между тем, конец XIX — начало XX вв. характеризовались становлением именно такого направления, которое, не стремясь к широким обобщениям, лишь раскрывало действительное значение хозяйства в историческом развитии, формировало основные проблемы экономической истории как особой, самостоятельной научной дисциплины. И становление его шло в контексте полемике, развернувшейся вокруг ретроспективной концепции К. Бюхера.

Вот почему сейчас, когда в экономической науке «дедуктивный» метод победил исторический, экономическая теория «разошлась» с экономической историей и начался активный процесс самоопределения последней как самостоятельной научной и образовательной дисциплины, столь актуальным стало обращение к ее истокам, в которых можно найти объяснение не только исторических, но и теоретических корней многих проблем.

¹ В одной из своих работ, что ретроспективна на процесс исторического развития и деревни (№ 11.).

² См.: Шмолле и его методы. Хозяйственная жизнь в ее развитии. В. М. Нечаева. М., 1911.

³ Петрушевский Д. М. История Европы. М., 1911.

⁴ Маслов П. Знание и экономика (Чита). 1911.

⁵ К. Бюхер писал, что в этой книге идея исторической жизни, а не экономической, является основной. Под ред. Д. М. Петрушевского.

⁶ Бюхер К. Возникновение и развитие хозяйства. Пер. с нем. М., 1911.

⁷ «...в стремлении к исторической экономической теории, к исторической экономической теории, к исторической экономической теории» (С. 218).

⁸ Кулишер И. И. История хозяйства. М., 1911.

⁹ Бюхер К. Происхождение классов. М., 1911.

¹⁰ С. Н. Булгакова. Сочинения. М., 1911.

¹¹ Бюхер К. Возникновение и развитие хозяйства. М., 1911.

¹² Там же.

¹³ Шумпетер Й. Теория экономического развития. М., 1911.

¹⁴ Маслов П. Знание и экономика (Чита). 1911.

¹⁵ Довнар-Запольский М. В. История хозяйства. М., 1911.

¹⁶ Петрушевский Д. М. История Европы. М., 1911.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 5.

¹⁹ Струве П. Б. История хозяйства. М., 1911.

²⁰ Вебер М. И.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В одной из своих статей автор высказал, в этой связи, предположение, что ретроспективная концепция К. Бюхера была попыткой взглянуть на процесс исторического развития сквозь призму соотношения города и деревни на различных его этапах (См.: Вестник ИГЭА. 1997. № 11.).
- ² См.: Шмоллер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда/Пер. с нем. В. М. Нечаева. М., 1902. С. 62.
- ³ Петрушевский Д. М. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.-Л., 1928. С. 48.
- ⁴ Маслов П. Значение науки о народном хозяйстве//Вестник просвещения (Чита). 1921. № 2. Июль. С. 19.
- ⁵ К. Бюхер писал: «Я не виноват в том, что эти господа не заметили, что в этой книге идет речь о хозяйственной теории, а не о хозяйственной истории»; ведь уже в первом издании ясно выражена «логическая природа хозяйственных ступеней» (Цит. по: Белов Г. фон. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии/Пер. с нем. Е. Петрушевской. Под ред. Д. Петрушевского. М., 1912. С. 147).
- ⁶ Бюхер К. Возникновение народного хозяйства: Публичные лекции и очерки/Пер. с нем. под ред. И. М. Кулишера. Пг., 1923. Ч. 1. С. 48.
- ⁷ «...в стремлении устанавливать законы хозяйственной жизни, политическая экономия (хотя бы и исторического направления) есть наука социологическая, приносящая с собой в качестве *a priori* определенные методологические предпосылки и, прежде всего, характерный социологический детерминизм...» (Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 218).
- ⁸ Кулишер И. М. Экономическая история как наука и периоды в хозяйственном развитии народов//Русская мысль. 1908. Июль. С. 53.
- ⁹ Бюхер К. Происхождение народного хозяйства и образование общественных классов (Две публичные лекции)/Пер. с нем. под ред. С. Н. Булгакова. СПб., 1897. С. 58.
- ¹⁰ Бюхер К. Возникновение народного хозяйства... С. 83.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 83-84.
- ¹³ Маслов П. П. Теория развития народного хозяйства. Введение в социологию и политическую экономию. СПб., 1910. С. 1.
- ¹⁴ Довнар-Запольский М. В. История русского народного хозяйства. Киев, 1911. Т. 1. С. 5.
- ¹⁵ Петрушевский Д. М. Указ. соч. С. 47.
- ¹⁶ Там же. С. 52.
- ¹⁷ Там же. С. 51.
- ¹⁸ Струве П. Б. Из лекций по истории хозяйственного быта//Известия Санкт-Петербургского политехнического института. 1913. Т. 19. С. 197. См. также: Струве П. Б. Теория политической экономии и история хозяйственного быта//Известия Санкт-Петербургского политехнического института. 1913. Т. 20. С. VI-X.
- ¹⁹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 403.

²⁰ Вебер и более определенно высказал свое критическое отношение к исследованиям исторической школы, авторы которых «...придерживаются мнения, что конечной целью, назначением каждой науки является упорядочение ее материала в систему понятий, содержание которых надлежит получать и постепенно совершенствовать посредством наблюдения над эмпирической закономерностью образования гипотез и их верификации вплоть до того момента, когда это приведет к возникновению «завершенной» и поэтому дедуктивной науки. Индуктивное исследование современных историков... служит якобы предварительной стадией в достижении указанной цели» (Там же. С. 407.).

Е. В. Рошупкина

О КРИЗИСЕ АГРАРНО-ГОРОДСКОЙ СТУПЕНИ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Минуло 150 лет со дня рождения выдающегося немецкого ученого, историка-экономиста Карла Бюхера. Но и сегодня в бушующем море наших экономических и политических дискуссий о прошлом, настоящем и будущем России не грех прислушаться к голосу человека, основной научной заслугой которого является попытка дать целостную картину хозяйственной эволюции человеческого общества. Обращение к творческому наследию К. Бюхера на предмет периодизации экономической истории становится особенно актуальным потому, что процесс осмысления экономической истории России делает сегодня лишь первые шаги.

Согласно рабочей гипотезе, предложенной Региональным центром научных исследований экономической истории в ИГЭА, Россия в своем цивилизационном развитии прошла две крупные ступени хозяйственной эволюции — аграрно-городскую и промышленно-городскую — и сейчас стоит на пороге перехода к третьей — информационно-городской стадии развития. Основным критерием членения экономической истории России выступает здесь изменение системы хозяйства с соответствующим изменением экономической роли городов.

Не останавливаясь на подробной характеристике названных трех ступеней в хозяйственной истории России¹, заметим, что в настоящее время, когда Россия стоит на пороге второго перехода, переживая всеобщий кризис промышленно-городской системы хозяйства, чрезвычайно актуальным становится анализ первого перехода в ее экономической истории. Это объясняется, на наш взгляд, двумя причинами.

Во-первых, исследование сущности перехода от аграрно-городской к промышленно-городской ступени развития дает возможность по-новому осмыслить причины многих экономических и политических потрясений в истории России конца XIX — начала XX в. И во-вторых, возника-